

ТОП-МОДЕЛЬ **НАТАЛЬЯ ВОДЯНОВА:**

«На первом кастинге мне сказали: «О! Здрасьте, Роми Шнайдер!»»

25→ Водянова: Но когда мне стукнуло лет 15, я поняла, что во мне что-то есть. Ведь на меня обращают внимание мужчины. Не мальчики в моей школе, а мужчины взрослые. Тогда интуиция начала подсказывать, что в моей жизни что-то необычное будет связано с моей внешностью. И началась такая классическая история про гадкого утенка.

«Слава богу, что меня все-таки откопали»

известия: Как это происходило?

Водянова: Мне было лет 15. Мой друг был моделью. Он ходил в школу моделей Натальи Власовой — есть такая в Нижнем Новгороде. Они там делали какие-то показы, было весело. Когда мы познакомились с ним, он сказал: «Я приведу тебя в эту школу». Он решил оплатить мне это, и я сказала: «Хорошо». Мне тоже было весело. Мы занимались хореографией, читали стихи, делали макияж. Это была такая ерунда в принципе...

известия:...типа игры

Водянова: Да, типа игры для девочек. Причем, за это брали деньги. Сейчас для меня это звучит смешно. Только в России такое возможно. Так вот, этот курс шел три месяца. Но для меня это было несерьезно — я уже тогда занималась своим бизнесом, зарабатывала деньги.

Я стала жить отдельно, когда мне было 15 лет. Мы с подружкой сняли квартиру, начали продавать фрукты, так как знали, как строится этот бизнес — моя мама и ее мама торговали. И все так очень хорошо и сразу у нас получилось. И мы неплохо зарабатывали. Поэтому я не обращала внимания на этот модельный бизнес. Это были какие-то 50 рублей за показ. Я зарабатывала больше.

известия: А школа?

Водянова: Школа? Я всегда пыталась учиться, училась довольно-таки хорошо какой-то период. А потом... Какая школа, если семейное положение не позволяет уделять этому время... да вообще никакого времени! Мне было 14, у меня была одинокая мама, младшая сестра-инвалид. Мама пахала на четырех работах, а на мне был дом. В 15 лет я еще как-то старалась учиться, а потом бросила. Школу я терпеть не могла, с одноклассниками мы друг друга не понимали. Я очень любила своих учителей, и они меня очень любили. И они прекрасно понимали мое положение. В последний класс я вообще не ходила, показывалась кое-как. Тогда я уже делала документы на выезд, учила английский. Так что, какая школа! (Смеется)

известия: Аттестата нет?

Водянова (улыбается): Нету. Я и уехала очень быстро. Я сначала перекочевала в агентство модели Евгений Чкаловой. Она меня пригласила, говорит: «У нас лучше». А мне

известия: Это должно было быть большим стрессом.

Водянова: Да. Столица для меня была каким-то большим местом. Но мне помогло то, что я подружилась с Лешкой, то есть Алексеем Васильевым, и он меня привез сначала в Москву, приучал к ней. Где-то месяц он просто водил меня по Москве. Он показывал мне других девочек, делал мои фотографии. Давал понять, что это красиво, что все получится. Тогда же он показал меня русскому Vogue, я сделала свою первую съемку. И я поняла, что это не так страшно, что ему можно доверять, что я точно не уеду в Париж, чтобы быть там проституткой. Я была уверена, что все будет хорошо.

известия: А потом Париж.

Водянова: Да, и там я работала сначала с другим агентством, нежели сейчас. Потому

поэтому могла смотреть на все это изда- лека. Конечно, иногда заворачивает. Но есть семья — платформа, за которую ты держишься.

известия: Вы заговорили про семью. У Джастина родственники живут в Англии. Как относятся они к тому, что сейчас там так много русских?

Водянова: Ну, я не думаю, что моим родственникам это вообще важно. Им более интересна политика Англии. Я уверена, что у них есть по поводу русских в Англии какое-то мнение, но не уверена, что они поделились бы им со мной, потому что оно наверняка негативное (смеется). Я не под- держиваю поголовный переезд в Англию, но и не против этого. Люди всегда должны делать то, что они хотят.

известия: Вы общаетесь с ними?

Водянова: Нет. Я вообще мало русских за

что Viva — агентство, с которым я работаю сейчас, сразу меня не взяло. Я была у них на большом кастинге в Москве, и мне сказали, что я немного робкая, слишком молодая, не говорю по-английски, я потеряюсь, и ничего не получится.

И мое первое агентство мне очень не понравилось. Они там такие грязноватые. В первый же день после моего приезда была вечеринка с какими-то девочками и мужчинами в ночном клубе. Этот образ работы мне показался странным. И я сказала, что я не хочу с ними работать. И тогда мой менеджер Гия Джикидзе сказал: «Ну, знаешь, ничего не стоит еще раз попробовать. Я сейчас веду девочку в Viva. Может, если тебя увидит кто-то еще оттуда, то что-то случится». Я пришла, и они все посмодили с ума, чуть не уволили ту женщину, которая от меня отказалась. Они что-то увидели во мне, и уже через неделю я сделала немецкий Elle. После этого дела мои шли только вверх.

И хорошо, что все было постепенно, потому что некоторые девочки взлетают очень быстро, а падают очень болезненно. Я постепенно привыкла к этому бизнесу, научилась языку. И когда на меня свалился этот Gucci, Calvin Klein, все «Вог», то мне было очень легко с этим справиться. И это мне помогло добраться до вершин, недо- ступных обычно.

«Ты можешь больше, чем выйти замуж за соседа»

известия: Замужество было для вас тем, что освобождало бы от размышлений о том, что вы будете делать, когда закончится карьера модели?

Водянова: Нет. Сначала мы просто сильно друг друга любили. И понимали, что нечего больше искать кого-то еще, что мы и так счастливы. Замужество было таким... Ну, нам нужно было пожениться. Мы поже- нились для моей семьи и для того, чтобы наш сын Люкас был Портман. Люкаса мы очень хотели. Он был не ошибкой! Просто в какой-то момент, когда мы были немного неаккуратны, Джастин сказал: «Слушай, а как же твоя карьера?» Я сказала: «Мне все равно, так как карьера не зависит от побоч- ных фактов, тем более таких, как любовь и ребенок». И мы решили, что, наверное, это было бы здорово — жить вместе и иметь ребенка.

Замужество мне очень сильно помогло. Модельный бизнес, да любой, что называ- ется entertainment-бизнес, способствует тому, что очень легко потерять голову, забыть, с кем ты и кто ты, кто друзья, кто враги, чего ты хочешь от жизни. Джастин все время спускал меня на землю. Я думаю,

границей знаю. Только людей, которые работают между Лондоном, Нью-Йорком и Москвой. Не то, чтобы я русских за грани- цей избегаю. Я очень люблю русских людей, но там они очень сильно меняются.

Мне самой важнее не бежать из России и доказать, что не все бегут из моей страны, если они чего-то достигли в ней. Да, тяжело здесь очень, но этот challenge для меня интересен. Я не могу расслабиться, сидеть на месте и наслаждаться своими мелкими нуждами. Вот сейчас я набрала свою кор- зинку с яичками: мои средства и связи. И я использую их для того, чтобы сделать что- то для России. Я основала фонд «Обнаже- нные сердца». И мы задумали построить сеть детских игровых центров. Первый будет в Нижнем Новгороде.

Идея пришла, когда я приехала в Нижний, на улице было минус 25, с нами были дети: мой сын, сестра... И пойти с ними некуда. Я тогда подумала: так здорово делают в Лон- доне, Париже, Нью-Йорке эти playground. Я считаю, что это не очень важно для таких городов, как Москва и Санкт-Петербург. Но важно для провинции, как Нижний Новгород, где промышленные зоны соз- дают депрессивную атмосферу. Серость давит на ребенка, и он не имеет возмож- ности оценить, насколько мир яркое и огром- ное. Я могу утверждать это исходя из соб- ственного опыта. Ты можешь больше чем выйти замуж за соседа и продолжать такое же существование, как твои родители. Я буду встречаться с педагогами и специа- листами по психологии детей, чтобы эти центры были развивающими, чтобы они давали детям толчок в их стремлении к будущему.

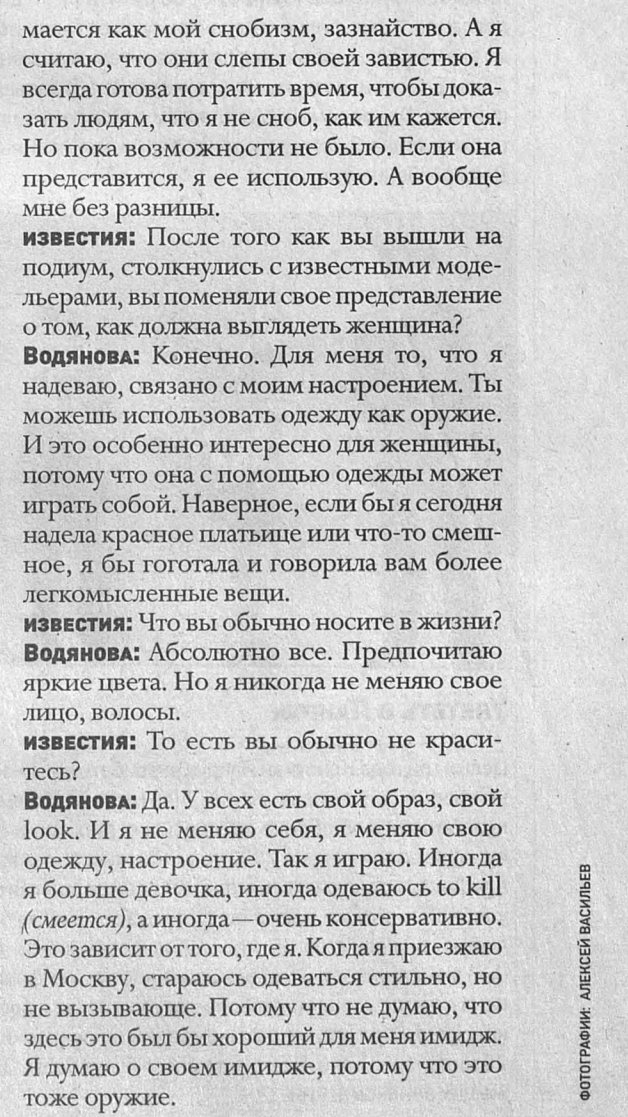
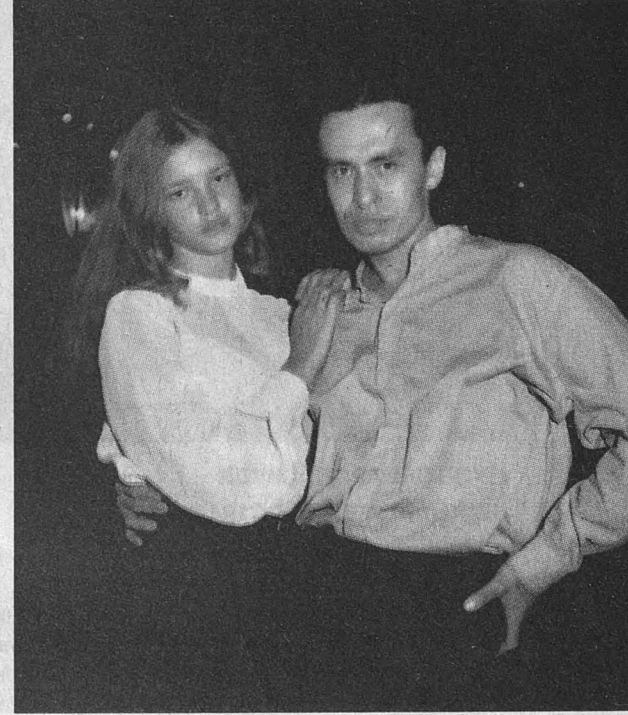
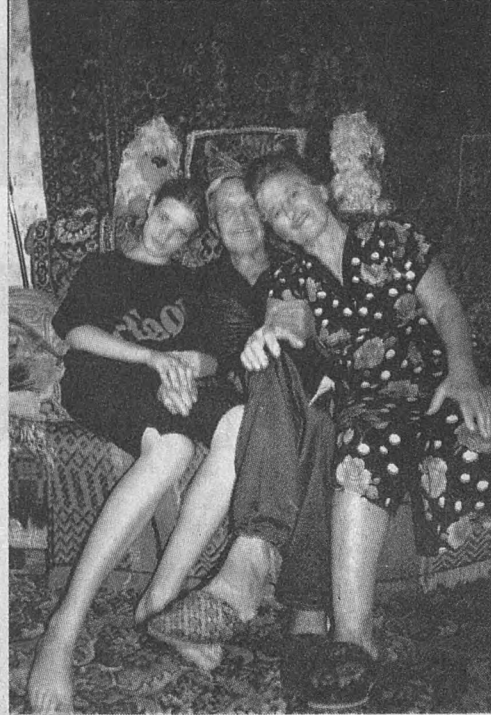
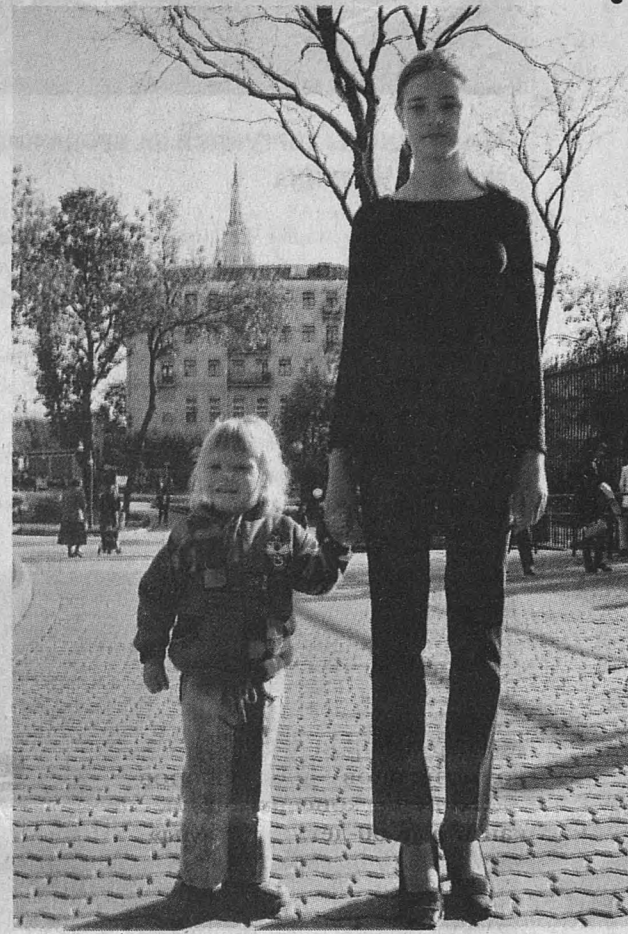
известия: Вы для этого проекта проводили аукцион в Нью-Йорке?

Водянова: Да, мы на этой вечеринке собрали 400 тысяч долларов. Я собрала всех своих знакомых. Мы продавали гитару Мика Джаггера, подписанную им. Хелена Кристенсен, моя хорошая подруга, решила приготовить мужчине романтиче- ский ужин на двоих. Был ужин с пятью топ- моделями. Я вложила около 70 тысяч дол- ларов из своих денег. Некоторые из друзей еще даже подкалывали денег потом.

«Я думаю о своем имидже, потому что это тоже оружие»

известия: Как складываются ваши отноше- ния с другими моделями? Все же это очень нетерпимый к чужому успеху бизнес.

Водянова: Особенно русские девочки- модели завидуют. Они стараются этого не показывать, но я чувствую эту ненависть. Наверное, со стороны то, что я посещаю все parties, Metropolitan, ими восприни-

1. Из Нижнего Новгорода в Москву, 1999 год
2. На качелях приходится сильно поджимать, или, наоборот, держать на весу топ-модельные ноги. Лето 1999 года
3. С младшей сестрой в Нижнем Новгороде
4. С бабушкой и дедушкой.
5. Первый кастинг — тот самый, на котором Водянову окрестили Роми Шнайдер
6. С фотографом Алексеем Васильевым

«Агентство, с которым я работаю сейчас, сразу меня не взяло. Мне сказали, что я немного робкая, слишком молодая, не говорю по-английски, я потеряюсь, и ничего не получится»

было без разницы. Именно Женя меня научила одной вещи, которую я до сих пор не делаю. Только редко, если нервничаю. Она меня отучила грызть губы! Помню, она на меня посмотрела и строго так сказала: «Так некрасиво!» Я все время помню ее слова, что это некрасиво. И Чкалова же мне позво- нила, сказала, что приезжают какие-то люди из Парижа, устраивают первый в Нижнем Новгороде кастинг, дескать приходи.

известия: Я помню его. Как-то он не про- извел на меня должного впечатления в основном из-за присутствовавших там претенденток.

Водянова: Я готовилась, не могла найти короткую юбку, опять пришлось резать. А когда я пришла, мне все это показало- ся ужасным зрелищем. Сто девочек стояли в ряд. Как бы там ни было, я была таким гор- дым ребенком и не встала в эту линейку, а встала сбоку. И все-таки меня, слава богу, откопал этот гений Алексей Васильев. У него такой талантливый глаз. Он подошел ко мне с камерой. Такой смешной! У него корни какие-то чукотские, поэтому он был странный такой для меня — я же ничего, кроме Нижнего Новгорода, не видела. И вот он говорит: «О! Роми Шнайдер! Здрасьте, Роми Шнайдер!»

Они мне сразу сказали, что если я выучу английский, то поеду в Париж. Я воспри- няла это скептически. Но мама и бабушка в один голос говорили: «Ты что? Это такой шанс! Лучше это, чем то, что есть сейчас». Я подумала, что лучше использовать этот шанс и посмотреть, что будет, чем ничего не сделать. И я поехала.